

імперативами чумацтва були міркування економічного характеру, котрі у системі цінностей козака трактувалися як досить периферійні. Основу ж рушійних мотивів козацтва складали ідеологеми волі, свободи, незалежності, слави, прагнення послужити рідній землі.

Таким чином, ментальна сфера етносоціокультурного феномену торгівельно-візницького промислу, породженого унікальними географічними, економічними, історичними чинниками, відтворила систему народно-юридичних (не зафіксованих у нормативних актах, але чинних для представників конкретної соціальної групи) уявлень, пов'язаних з правом чумака пізнати долю, зміцнити власний добробут, забезпечити родину, самовіддано й чесно працювати, виявити мужність, зажити слави. У правовій картині світу чумацьких пісень номінаціям осіб відводиться роль трансляторів народно-юридичних уявлень щодо основних правових цінностей, як-от: розум, воля, потреба, інтерес, примус, влада, обов'язок, справедливість, відповідальність, визнання.

Перспективи дослідження пов'язуються з порівняльним аналізом мовних маркерів сфери права, представлених в українських соціально-побутових піснях козацького, рекрутського, солдатського, наймитського й заробітчанського циклів.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.
2. Данилюк Н. Етнолінгвістичні дослідження у другій половині XX – на початку XXI століть і вивчення мови фольклору // Українська мова. – 2008. – № 3. – С. 90 - 97.
3. Дей О. Соціально-побутові пісні чумацького циклу / Чумацькі пісні. – К.: Наукова думка, 1976. – С.11 - 45.
4. Жайворонок В. Українська етнолінгвістика. – К.: Довіра, 2007. – 261 с.
5. Івановська О. Український фольклор як функціонально-образна система суб'єктності. – К.: ТОВ «УВПК «ЕксОб», 2005. – 227 с.
6. Кушпа М. Чумацькі пісні: генеза, художня своєрідність. – Автореф. дис... канд. філол. наук. – К., 2000. – 16 с.
7. Проскурова С.В. Чумацтво як українське соціокультурне явище – Автореф. дис... канд. істор. наук. – К., 2001. – 14 с.
8. Селиванова Е. Когнитивная ономастология. – К.: Фитосциоцентр, 2000. – 247 с.
9. Чумацькі пісні / Упоряд. О.Дей, А.Ясенчук, А.Іваницький. – К.: Наукова думка, 1976. – 542 с.
10. Чумаки як виразні носії ментальності та етнічного архетипу українців. // Етнічна історія народів Європи: 36. наук. праць. – К.: Унісерв, 2000. – С. 94-99.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Світлана Лавриненко – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови Ізмаїльського державного гуманітарного університету.

Наукові інтереси: лінгвокогнітивістика.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОПИЧЕСТВА

Елена МЕДВЕДЬ, Антонина МАКСЮТА (Сумы, Украина)

У статті висвітлено функціональний аспект лінгвальних квантитативних одиниць, що дає можливість по-новому розуміти закономірності реалізації різних кількісних значень в тексті. Квантитативні семантичні структури зумовлені прагматичними параметрами мовленнєвої діяльності.

The article touches upon the aspect of linguistic quantitative units functioning in different texts. Quantitative semantic structures realize different quantitative meanings in texts under the pragmatic demands.

Исходным положением для построения функционально-семантического поля квантитативности (ФСПК) признается общая референциальная соотнесенность всех его конститuentов с объективно существующими и отражаемыми человеческим сознанием количественными показателями предметов, процессов и явлений. Сложность описания ФСПК заключается в определении его семантического ядра, границ и структуры. Роль центра приписывается лексико-грамматическому классу имен числительных, грамматической категории имен существительных, комплексному ядру [5; 14].

Анализ текстов показывает, что для результативного конституирования ФСПК большое значение имеет исследование прагматических аспектов, авторских интенций [3; 6; 7; 12; 13; 15; 17; 19]. При рассмотрении речевого материала в тексте обособляются блоки субъекта/объекта, предиката, условий их квантификации. Адекватная информация может быть получена лишь из цельных коммуникативных единиц, в которых смысл преобладает над содержанием.

Теоретическими предпосылками данного исследования служат положения о социальном характере знаний о количестве, о биполярном характере знаний – научном и эмпирическом [2]. Научное знание о количестве может быть получено адресатом в процессе обучения или самообучения из совокупности текстов, принадлежащих к специальным областям математики, точных наук, философии, логики, психологии и т.д. Эмпирическое знание о количестве приобретает в процессе практической (предметной и коммуникативной) деятельности, оно находит отражение в речи. В неспециальном речевом общении преобладают так называемые **эмпирические когнитивные структуры** (далее ЭКС) [16]. Построение глобального языкового поля количества (ЯПК) требует отражения в его семантическом варианте разных видов знаний. Содержание эмпирического знания о количестве не описано столь же подробно в специальной литературе, как научное знание. Многовариантность его вербализованных форм, принадлежащих плану выражения, представляет большой интерес для когитологии, в целом, и исследования ФСПК, в частности. Человечеством разработаны различные системы счисления применительно к дискретным количествам и многообразные системы измерения применительно к количествам непрерывным. При этом специальные средства выражения количества позволяют определить его практически точно (ТК) или неточно (НТК).

Своеобразие проявления субполя НТК реализуется на синтагматическом уровне. При объяснении различий словосочетаний типа *five chairs, many chairs, a few chairs, all the chairs, just enough chairs* возникает вопрос соотношения научного и эмпирического знаний при определении количества в плане точного – неточного, неопределенно-точного – приблизительного. Контекстуальные условия оказывают существенное влияние на реализуемое значение множественности. Исследуя содержательную сферу нумеральных сочетаний (НС) следует отметить, что все они могут соотноситься с одним и тем же фактическим количеством, объективно наличествующем в референтной ситуации. Различие между ними лежат полностью в области когнитивно-психологических и прагматических предпосылок речевого общения и требуют исследования на синтагматическом уровне ФСПК.

Наиболее общее содержание научного знания о количестве заключено в одном из известных философских определений и формулируется следующим образом: «Количественная определенность есть величина наличности чего-либо, которая в результате сравнения (включая счет, измерение, вычисление) может быть выражена приблизительно (в формулах со значением «намного больше», «больше», «приблизительно равно», «меньше», «намного меньше») или практически точно (в числах, равенствах)» [8: 76]. Формулы со значением «больше»/«меньше» приведены в данном определении как способы выражения величины. Возможен однако и другой взгляд на иерархическую роль именуемых этими формулами количественных отношений.

В лингвистической литературе имеет место рассмотрение указанных отношений как базовых для идентификации семантической категории градуирования, интегрирующей с измерением и счетом. Термином «градуирование» Э.Сепир называет системную понятийную основу категории количества, ее сущностное ядро: включение квантифицируемого объекта в отношения «больше»/«меньше» [10]. На основе такого включения коммуникантами строятся различные шкалы квантификации, деление на которые может варьироваться в зависимости от мотивов познающего, а также тех теоретических знаний и практических возможностей, которыми он располагает.

Подобный способ определения количества связан с его эмпирическим познанием и, составляя оппозицию измерению и счету – методам точного, научного, объективного познания, отражает субъективные оценки этого знания в параметрах потребностей и интересов говорящего (адресанта), связанных с его практической деятельностью.

Поскольку восприятие осуществляется человеком, то и в номинациях количеств, познанных эмпирически, сказываются обобщенные результаты восприятия. Фрагменты антропосферы наличествуют в экспонентном плане количественно-оценочных высказываний: русск.: *глубина по колено, высотой в рост человека*; нем.: *Sichtweite*,

Horweite; англ. *up to the ears*. В данном случае квантитативные единицы (КЕ) соприкасаются с общим положением об «антропоцентричности» языка [18].

ЭКС являются, с нашей точки зрения, результатом такого лингвистического явления как **внутренний гипостазис** [9]. Явление внутреннего гипостазиса, под которым понимается внутрилексемная конверсия, предполагает возникновение в границах лексемы варианта с иной субкатегориальной характеристикой. Это явление следует рассматривать как один из случаев проявления семантической микровариативности, вариативности внутри лексемы. В результате внутреннего гипостазиса возникает семантико-морфологический вариант в границах исходной лексемы, отличающийся от нее семантическими, морфологическими, комбинаторными и прагматическими характеристиками. Внутренний гипостазис не ведет к возникновению новой лексемы и не предполагает коренного изменения ее содержания. В процессе внутреннего гипостазиса происходит перераспределение признаков сигнификата: ведущий признак, лежащий в основе сигнификата и входящий в его понятийное ядро, оказывается семантически приглушенным за счет выдвижения другого признака как более актуального для данного контекста и более соответствующего авторской интенции: англ.: *a cup of tea*; *oceans of time*; русск.: *море счастья, до небес*. В основе избирательного характера внутреннего гипостазиса лежит обусловленная семантическим потенциалом вышеназванных групп лексем возможность их использования для вторичной образной номинации, метонимической или метафорической. Матричная лексема не содержит кодифицированного варианта со значением количества (*a bottle of milk*, *the lion's share*) или процессуальности (*to ten*). В таких случаях прослеживается прагма-стилистическая интенция говорящего/пишущего, часто ориентированная на создание комического эффекта, на достижение иллокутивной экспрессивной цели, для чего используются фразеологические единства типа англ.: *beyond measure*; *as numberless as the sands*; *world of troubles*; укр.: *як горобців у стпіві*.

Внутренний гипостазис является активно протекающим процессом в современном английском языке. Гипостатические изменения могут иметь разную степень стабильности, будучи зафиксированными словарем, приобретая узальный характер или оставаясь в рамках окказионального употребления. Следует отметить, что кодифицированные словарями переходы по линии развития квантитативности в большинстве своем нейтральны, их основным функциональным назначением является вторичная номинация. В результате внутреннего гипостазиса у существительных, например, не имеющих семы квантитативности, проявляется явление синкретизма (*a shower of greetings* (квантитативность + номинативность)).

Незарегистрированные словарями окказиональные переходы по линии развития семы количественности, как правило, несут прагмастилистическую нагрузку. В подобных случаях усложняется семантическая структура слова за счет компонентов, несущих информацию об эмоциональном восприятии предмета, обозначенного словом и его прагматической направленностью (*an ocean of people*). Арутюнова Н.Д. [1] по этому поводу отмечает, что прагматическое значение больше, чем дескриптивное и подчиняется воле говорящего.

Функциональное назначение внутреннего гипостазиса может быть различным: в первую очередь – заполнение лексических лакун путем экономного способа выражения значения квантитативности уже имеющимися в арсенале неквантитативными единицами, а также достижение определенного стилистико-прагматического эффекта. Социум может отвергнуть или принять новообразование в виде ЭКС, закрепление которой в языке в ряде случаев не вызывается потребностями коммуникации в широком смысле слова, но преследует частную цель – добиться определенного прагмастилистического эффекта. В данном случае существенна не способность подобного семантического развития конкретной лексемы, но сам факт существования в языке такого живого процесса. Слова – социальные инструменты, объективность важна для их выживания.

Связь между обозначением и обозначаемым в подобных случаях оказывается неустойчивой, хотя в ней заложены потенции перерастания в постоянную связь, которые могут быть реализованы при возникновении потребности, и в конечном счете, стать частью словаря, что и произошло с фразеологическими единицами.

Числительные (как ядро лексико-семантического поля количества) относятся к сильным средствам воздействия на адресата, его помыслы и действия. Универсальным для числительных даже дистантных языков является их использование для создания эффекта преувеличения, ирреального изображения действительности [4].

В сто сорок солнц закат пылал /В.В.Маяковский/.

Ring in thousand years of peace,

Ring out thousand years of war /Tennyson/.

Прагматическая весомость расчлененных фразеологических единиц (ФЕ) предопределяется совокупностью значений составляющих [11]: *forty winks* – короткий сон; *with one foot in a grave* – на краю пропасти; *as thick as two thieves* – закадычные друзья. Взаимодействие фразеологического контекста и нумерального компонента приводит не только к переосмыслению числительного, но также к перемещению полилексемной единицы из ЯПК в поле качественно-экспрессивной оценки.

Фразеологические единицы с нумеральным компонентом (ФЕ_{КЕ}) придают коммуникации выразительность, колоритность и, тем самым, содействуют лучшей реализации замыслов адресанта. Экспрессивность этих единиц достигается посредством пересечения и включения компонентов в семантику расчлененной единицы. Во фразеологическом контексте происходит “выветривание” смыслового содержания числительных. Преимущественное использование ФЕ с опустошенным квантитативным компонентом свидетельствует об интенсивном процессе десемантизации числительных, о лексикализации полилексемных единиц, о возрастающей экспрессивности последних по мере убывания в них семы квантитативности.

Прагматически весомо использование при числительных элементов-спецификаторов типа *as little as*, *as much as*. Позиционно примыкающие к числительным, эти единицы выражают отношение говорящего к упоминаемой количественной информации, побуждают адресата разделить точку зрения автора о количественной градуальности (в оценках типа “высоко”/“низко”, “мало”/“много”).

He drank as little as two cups of coffee. He drank as much as two cups of coffee (Он выпил не менее / не более двух чашек кофе).

Аппроксимация выражается и в отрицательных предложениях посредством особой селекции и аранжировки компонентов в поверхностной структуре.

It wasn't two minutes coming down /International Herald Tribune, 2007, № 35, 627/. (Не прошло и двух минут). They were not five feet apart when they began shooting. /International Herald Tribune, 2007, № 35, 576/. (Они не были и на расстоянии пяти футов, когда начали стрелять).

Прагматическую, эмотивно-экспрессивную функцию числительные реализуют в условиях десемантизации конкретного числового значения, при выражении субъективной оценки, эмоционально-волевого воздействия на адресата. Благоприятной почвой для прагматической функции числительных является фразеологический контекст, в котором десемантизированные нумеральные единицы являются средством выражения качественно-оценочных значений.

Перенос основных акцентов на функциональный аспект КЕ позволяет по-новому осмыслить закономерности реализации различных количественных значений (отношений) в тексте, более адекватно моделировать ФСПК. В плане содержания поля выделяется количественно-оценочная сфера, семантические структуры которой обусловлены прагматическими параметрами речемыслительной деятельности адресанта. Эти структуры базируются на глобальном сравнении пространственно-временных, тотально-партитивных и т.п. отношениях. Субполе, включающее эмпирическое, неопределенное количество, противостоит субполю, интегрированному объективными числовыми и близкими к ним формами представления об определенном, научно познанном количестве, что можно выразить в формуле:

$$K_1 \text{ (эмпирическое знание)} + K_2 \text{ (научное знание)} = \text{ФСПК}$$

ФСПК, характеризующееся разнообразием форм и спецификой наполнения, в результате пересечения парадигматического и синтагматического способов репрезентации

количественности объективного мира, создает определенный количественный концепт как результат эмпирического и научного познания лингвистических и объективно существующих количественных характеристик окружающего мира.

БИБЛІОГРАФІЯ

1. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С.159-249.
2. Берка К. Измерения: Понятия теории, проблемы. – М., 1987. – 261 с.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
4. Зорівчак Р.П. Семантична структура словесного образу // Іноземна філологія. – Львів: Львів.нац.ун-т, 1999. – № 11. – С. 218-225.
5. Категория количества в современных европейских языках / Акуленко В.В., Швачко С.А., Букреева Е.И., Синякова Г.А., Попович М.М. и др. / Под ред. В.В.Акуленко. – К.: Наукова думка, 1990. – 284 с.
6. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / Под ред. Ю.С.Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144-238.
7. Минкин Л.М. Новая теория прагматики и новые идеи современной лингвистики // Вісник Харків.ун-ту. – 1997. – № 390. – С. 101-104.
8. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. – М., 1977. – 284 с.
9. Паповяниц Э.Г., Андреева О.П. Предсказуемый и непредсказуемый внутренний гипостазис // Вісник Харків. держ. ун-ту. – 1995. – № 384, Т.2. – С. 123-125.
10. Сепир Э. Градуирование // НЗЛ. – М., 1986. – Вып. 16. – С. 43-78.
11. Степанова І.С. До питання про семантичні трансформації компонентів фразеологізмів // Гуманітарний вісник. Сер. Іноземна філологія. Проблеми сучасної світової літератури та лінгвістики. – Черкаси, 2000. – С. 291-295.
12. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 7-13.
13. Тарасова Е.В. Речевая системность в терминах лингвопрагматики // Вісник Харків.нац.ун-ту. ім. В.Н.Каразіна. – 2000. – № 471. – С. 273-279.
14. Швачко С.А. Адъективные аспекты порядковых денумеративов // Вісник Харків.нац. ун-ту ім. В.Н.Каразіна. – 2000. – № 471. – С. 292-299.
15. Шевченко И.С. Становление когнитивно-коммуникативной парадигмы в лингвистике. // Вісник Харків.нац.ун-ту. ім. В.Н.Каразіна. – 2004. – № 635. – С. 202-205.
16. Bever Th.G. The Cognitive Basis for Linguistic Structures // Annual Series. – N.York, 1970. – No 4. – P. 282-283.
17. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. – Cambr. Et.: CUP, 1996. – 288 p.
18. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 512 p.
19. Wunderlich D. Methodological remarks on speech act theory // Speech act theory and pragmatics / Eds. J. Searle, F.Kiefer, M.Bierwisch. – Dordrecht, Boston, London: Reidel, 1980. – P. 291-312.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Олена Медвідь – кандидат філологічних наук, доцент кафедри перекладу Сумського державного університету.

Наукові інтереси – прагматичний аспект лінгвістики.

Антоніна Аксютя – аспірантка кафедри перекладу Сумського державного університету.

Наукові інтереси – прагматичний аспект лінгвістики.

ШЛЯХИ АКУМУПІОВАННЯ ЕТНОКУЛЬТУРНОЇ СЕМАНТИКИ: ВАЛОРИЗАЦІЯ УНІВЕРСАЛЬНИХ КОНЦЕПТІВ (на матеріалі української, німецької, англійської та російської компаративних фразеологій)

Костянтин МІЗІН (Київ, Україна)

У статті проаналізовано причини етнокультурних “збоїв” при валоризації універсальних концептів на прикладі гастроконцепту “молоко” в українській, німецькій, англійській і російській компаративних фразеологіях.

The papers deals with the analysis of ethnocultural shifts in valorization of universal concepts, taking a “milk” gastroconcept in Ukrainian, German, English and Russian comparative phraseologies as an example.

Фразеологія як “дзеркало душі народу” найдетальніше віддзеркалює універсальні та самобутні риси цієї “душі” на тлі зіставлення з іншими “душами”, що уможливило детальніше вивчення такого недослідженого феномену, як етнокультурна свідомість, котра утворює центральну ланку в ланцюжку *мова – культура* тієї чи іншої лінгвостільності. Тому **актуальними** нині є розвідки, присвячені зіставному аналізу фразеологій споріднених і неспоріднених мов (М.Ф. Алефіренко, Л.К. Байрамова, Г. Вальтер, С. Георгієва, М.В. Жуйкова, В.М. Мокієнко, Ж. Фінк та ін.).

Зіставний підхід уже залучався автором цієї статті для дослідження мовної та культурної інформації, закодованої в компаративних фразеологічних одиницях (КФО) германських і слов’янських мов. Останні – як універсальний лінгвальний і екстралінгвальний феномен –